

РЕЦЕНЗИИ

Рецензия на книгу: Шмерлина И.А. (2022)
Социология социальных форм: пересборка теории.
М.: ФНИСЦ РАН, 2022. — 157 с.

Денис Сергеевич Гвоздиков (den-gvozdikov@yandex.ru)

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Гвоздиков Д.С. (2025) Рецензия на книгу: Шмерлина И.А. (2022) Социология социальных форм: пересборка теории. М.: ФНИСЦ РАН, 2022. — 157 с. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 28(2): 272–277.
<https://doi.org/10.31119/jssa.2025.28.2.10> EDN: FLVOUM

Методологическая интенция социологической мысли приобретает свою силу в той мере, в какой она может опереться на убедительную социальную онтологию. Выстраивание убедительной онтологии традиционно замыкается на проблеме статуса объектов социального мира: соотношении диспозиций воспринимающего субъекта и воспринимаемых им объектов данного мира. Феноменальная картина субъекта социального мира естественным и парадоксальным образом сочетает в себе две абсолютно разные линии воплощения: живых людей из плоти и крови и внеличностные социальные категории. Необходимость и «опасность» соединения этих двух линий в одном полотне порождает контroversы социального номинализма/реализма, структуры и агентности (М. Арчер), актора и системы, субъективизма и объективизма, которые И.А. Шмерлина, автор уже второй монографии, выполненной в междисциплинарной перспективе анализа социальности, обобщает оппозицией индивида и общества. Исследовательская интуиция автора, следуя за интуициями Г. Зиммеля, Н. Элиаса, Г.Д. Гурвича и Х. Фрайера, в решении вековой социологической контroversы обращается к категории «социальная форма». Действительно, любая социальная деятельность индивидов так или иначе оформлена (Шмерлина 2022: 46), вариации взаимодействий содержат инварианты (с. 29) и предполагают, по выражению Р. Бхаскара, «первичное существование социальных форм» (с. 46). Инварианты взаимодействий, осмысляемые классиками социологии как «объективные образования» (с. 30, 41), формы жизни Зиммеля (с. 33), фигурации Элиаса, по сути, составляют эмпирические основания этой науки. И хотя ткань социальной реальности очевидно воплощается через интенциональную деятельность

людей (с. 21), за деятельностью и рефлексией субъекта обнаруживается более глубокий онтологический фундамент социальной формы (с. 21).

Несмотря на интуиции о внесубъектном основании инвариантов взаимодействий, социологической мысли, по мнению И.А. Шмерлиной, не хватило дальнейшего развития внесубъектных онтологических допущений (с. 22). И, на основе данного тезиса, на наш взгляд, разворачивается оригинальная интрига монографии автора. Казалось бы, в нашей базовой («наивной») интуиции основания социальности ожидаемо центрируются на индивиде или субъекте. Субъекту принадлежит психика (более точно — нервной системе организма), субъект рефлексиирует социальные отношения. По известному выражению Дж. Серла, предложившему собственный взгляд на онтологию социальной реальности, «всякая независимая от наблюдателя интенциональность (включая коллективные интенции. — Д.Г.) содержится в сознаниях индивидов» (Серл 2007). На биологическом уровне симбиотический союз белковых структур завершается на автономных агентах (клетках или организмах). Индивид реализует их поведенческие механизмы и является основным игроком восходящей агентности в лестнице творения. Тем не менее, собственная логика, закономерности и динамика социальных процессов, по мысли автора, не требует обращения к «рефлексирующему сознанию» (т.е. интенциональным состояниям. — Д.Г.) субъекта (с. 21).

Мотивы И.А. Шмерлиной для внесубъектной пересборки социальной онтологии понятны: слишком много в конструктивистских картинах социальной реальности («евангелический» пример — П. Бергер и Т. Лукман) было отдано на откуп волевым (волюнтаристским) решениям индивида в построении данной реальности (с. 104). Показать внесубъектные основания социальных инвариантов в таком ракурсе невозможно: чтобы продемонстрировать независимость потенциально возможных инвариантных решений от рефлексирующего субъекта, центрировать биологические, добиологические и семиотические основания социального приходится на чем-то ином. Собственно, форма и становится, по мысли И.А. Шмерлиной, соединением человеческой интенциональности и «нетранзитивных структур» (с. 65) — изначальных диспозиций из пространства возможностей, заданных внешней средой и ее ресурсами. Внешние диспозиции социальная форма превращает в позиции — реализованные отношения, отображаемые семиотически (с. 67). Непосредственно по семиотическому рисунку (знаковым комплексам), полагает автор, мы и можем судить, какие диспозиционные отношения были реализованы. Поскольку как семиотические системы, так и связки ресурсных ландшафтов обладают собственной логической казуальностью (автор использует терминологию М. Арчер)

(с. 105), человек участвует в морфогенезе либо как «инструмент экспликации» (с. 99) их смыслов, либо в качестве «массового субъекта» — внешней среды для формы (с. 101). Именно такой ракурс «двойного отражения» формы в деятельности субъекта (он соприкасается с формой в качестве «проводника» логики диспозиций и в качестве реагирующего окружения) и позволяет автору обратиться к инстанциям, непосредственно стоящим за объективностью социального. Ход, несомненно, смелый. Но насколько он удачен в преодолении вековой субъектно-объектной контroversы? Безусловно, внесубъектное содержание объектов социального мира находит в данном онтологическом повороте свое объяснение. Но остается ощущение, что, обойдя одну дилемму, автор переводит проблему в плоскость других. С одной стороны, И.А. Шмерлина предлагает интегрировать в понятие социальной формы социологию человека и животных: «выявить единую эволюционную логику социальности» (с. 82). Шаг прозрачно натуралистический: принять биологические основания социального поведения. Остается вписать, как это сделал Серл, в натуралистическую плоскость видоспецифичные формы — институты. Как и язык, институциональность представляет собой линию «антропологического прорыва» (ничего похожего у животных нет). Натуралистическим решением было бы опереть институциональность на язык (вариант Серла) или укоренить оба явления в когнитивной архитектуре (как это сделал Н. Хомский с языковой способностью). Но натурализм устраивает далеко не всех, и примирить его с социологической традицией сложно (Шмерлина 2005). Собственная логика развития институциональных форм подразумевает собственную логику развития идеальных форм (концептосферы). А сама институциональность видится автором как «трансмиссия» от идеального к реальному (с. 86, 98, 105): способом процедурного воплощения теоретического проекта в требования среды (с. 94). В силу логической связанности институциональные концепты, категории и идеи обретают внутреннее импульсы развития, которые позволяют рассмотреть институт как нечто большее, чем «осаждение случайных практик» или прихоть управленца (с. 87). И здесь автор радикально порывает с натуралистическими интенциями, видя за концептуальным воплощением институциональных форм феномен Третьего мира (с. 89). На наш взгляд, принятие статуса третьемирности не упрощает объяснения институциональной реальности, по сути перенося проблему на другой уровень: третьемирные объекты надличностны и живут по собственным законам, но чем определяются эти законы, уже не ясно. В этом плане методологическая интенция автора по реконструкции собственной логики смысловых комплексов (идей и концептов) (с.105), на наш взгляд, лишается своего онтологического

фундамента. Указать на внешнюю инстанцию со своей логикой недостаточно, поскольку во избежание регресса оснований нужно объяснить, почему своя логика данной инстанции вообще существует. В отношении концептосферы можно указать на культуру, но тогда нам понадобится теория культуры, в которой законы или правила институционального морфогенеза найдут свое место. Возможно, принятие третьемирности здесь хорошо работает в том плане, что оставляет открытым пространство для различных концепций культуры, но не вяжется с начальными натуралистическими интенциями автора. И наоборот, не ясно, как развиваемые в рамках натурализма модели культурной эволюции, делающие акценты на «выживании» и адаптации отдельных культурных черт (см., например, теорию двойной наследственности Р. Бойда и П. Ричерсона и др.: Boyd, Richerson 2024), сочетаются с идеей самостоятельных законов концептосферы. Представляется, что здесь мы сталкиваемся с существующим провалом в объяснении в теоретическом поле: отсутствием убедительных натуралистических моделей (контroversа мышления и культуры) для собственной логической связанности (третьемирных свойств) объектов концептосферы. Можно было бы вспомнить теорию мемов Докинза-Деннета, хотя и она работает «точечно», складывая мемокомплексы из отдельных атомарных единиц когнитивных операций (Dennett 1990). Или основанную на концепции модулярного мышления идею выделения социального домена ментальных репрезентаций (social cognition) (Jackendoff 2007). В любом случае натуралистическое прочтение укореняет концептосферу в головах людей, а этого как раз И.А. Шмерлина делать не хочет, подчеркивая самостоятельный надличностный, почти платонический уровень движения концептов. Отсюда возникают отсылки к образам коллективного сознания и его слитности, взаимной имманентности с индивидуальным (с. 102, 103). Однако, на наш взгляд, при таком развороте необходимая корреспонденция надличностного и личностного уровней приводят скорее к эффекту двойного усложнения. Надличностный уровень оказывается необходимо сложным, чтобы допустить различные логические связки движения концептов, а личностный уровень мышления должен быть необходимо сложным, чтобы воспринимать надличностную логику концептосферы. Иначе говоря, усложняя надличностное, нам нужно допустить у агента достаточно много способностей, чтобы оперировать с ним (и необходимость в надличностном уровне исчезает). Это, разумеется, не может поколебать онтологической центральности социальной формы, если мы определяем ее таковой. Тем не менее остается не до конца ясным, почему вообще социальный агент подчиняется институциональным формам? Почему институциональность явля-

ется для индивида инстанцией необходимого принуждения, а те или иные знаковые воплощения конвенциями по умолчанию? Причем мы имеем дело не просто с конвенциями, а с объектами, имеющими деонтический статус для всех соприкасающихся с ними агентов. Можно было бы указать на оптимальность тех или иных логических решений для институциональных объектов. Соглашаемся же мы с тем или иным математическим выводом, хотим мы того или нет. Возможно, по тем же причинам мы соглашаемся с деньгами или государственными экзаменами (и даже с рецензентами). Тем не менее оптимальность или необходимость, на которые временами указывает автор (с. 64, 85, 94, 100), отсылает нас либо к социальной прагматике, либо к чистому аналогу оптимальности тех или иных диспозиционных решений — своего рода трансцендентальной прагматике. Тогда как математические доказательства просто верны. В этом отношении социальный агент действительно, как радар, улавливает институциональность форм, принимая их логику как нулевую конвенцию по умолчанию. В этом плане наблюдения автора о невыводимости институциональности из микродействий или потока интеракций индивидов (с. 106) представляются крайне ценными.

Выход на сложные и даже рискованные уровни проблематизации, на наш взгляд, является несомненным достоинством книги, побуждающим дальнейшее обсуждение контрверз социального с самых широких перспектив. Следует подчеркнуть практический результат применяемого автором подхода — выделении типологии взаимодействий на основе дихотомии этологических и институциональных форм: проксимальных непосредственных, проксимальных персонифицированных, институциональных взаимодействий проксимального уровня и сложных случаев, таких как дистальные этологические формы (с. 111–114). Представляется, что разрабатываемая в книге типология уже не просто остается на уровне высокой теории, а непосредственно готовит переход к социологической эмпирике.

Литература / References

- Серл Д. (2007) Что такое институт? *Вопросы экономики*, 8(5): 5–27.
- Searle J. (2007) What is an Institution? *Voprosy Ekonomiki* [Economic Issues], 8: 5–27 (in Russian).
- Шмерлина И.А. (2005) «Натуралистический подход» Дж. Серля к проблеме институциональной реальности. *Социологический журнал*, 2: 37–67.
- Shmerlina I.A. (2005) J. Searle's "Naturalistic Approach" to the Problem of Institutional Reality. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological Journal], 2: 37–67 (in Russian).
- Шмерлина И.А. (2022) Социология социальных форм: пересборка теории. М.: ФНИСЦ РАН, 2022

Shmerlina I.A. (2022) *Sociology of social forms: reassembling the theory*. Moscow: FCTAS RAN (in Russian).

Boyd R., Richerson P.J. (2024) Cultural evolution: Where we have been and where we are going (maybe). *PNAS*, 121(48): e2322879121. <https://doi.org/10.1073/pnas.2322879121>.

Dennett D.C. (1990) Memes and the exploitation of imagination. *Journal of Aesthetics and Art Criticism*, 48(2): 127–135.

Jackendoff R.S. (2007) *Language, Consciousness, Culture. Essays on Mental Structure*. Cambridge, Mass.; London: MIT Press.

**Book Review: Shmerlina I.A. (2022)
Sociology of Social Forms: Reassembling
The Theory. Moscow: FCTAS RAN. — 157 p.**

Denis Gvozdikov
(den-gvozdikov@yandex.ru)

St. Petersburg University, Saint Petersburg, Russia

Citation: Gvozdikov D. (2025) Book review: Shmerlina I.A. (2022) *Sociology of social forms: reassembling the theory*. Moscow: FCTAS RAN. — 157 p. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 28(2): 272–277 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2025.28.2.10> EDN: FLVOUM